Василий ДВОРЦОВ

Продолжить правду о человеке...

Беседа с номинантом Патриаршей премии 2019

– Василий Владимирович, после вручения Патриаршей литературной премии прошёл месяц. Чем запомнился вам тот день? Можно ли говорить о том, что к таким дням, сходным с ним, идёшь всю жизнь, и с чего начался – ваш путь?

– Да, есть дни, утверждающие, оправдывающие годы и десятилетия. Когда сообщили, что введён – возведён – в список номинантов Патриаршей премии, доминантой мыслей и чувств накрыли воспоминания об ушедшем полтора года назад духовнике. Царствие Небесное архимандриту Иоанну – человеку просто невероятной, исполинской духовной величины: мистик, аскет, труженик, пастырь, строитель. Сердце неоглядное – на тысячи людей хватало. Отец духовный в полноте этого понятия. Но в прямой речи отец Иоанн редко объяснял свои интуиции, обычно намекал иносказательно и ждал, когда сам догадаешься о неизбежном. Что-то я в наших беседах упустил, не уловил, и когда в 1999 году он буквально, прямыми действиями начал сталкивать меня с комфортного, освоенного, утоптанного пути востребованного церковного художника и реставратора в совершенную неизвестность, я по скудоумию и трусости вступил в противоборство.

Куда он меня толкал? Всё же было хорошо и понятно – я в своём деле признанный мастер, а что там? В неведомой литературе? Мне почти сорок лет, и с чем я туда – с пятком пьес, десятком статей и полусотней стихов? Главное – зачем уходить из комфортности?.. Скорблю о невозвратимых годах необщения. Но когда приехал в монастырь уже автором романов и повестей, беседа пошла, как будто вчера расстались. Говорили и о том, что смирение есть и в осознании себя на своём месте: царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной… Тогда профессия – исполнение о себе Промысла Божия. Так что с момента объявления короткого списка, с момента подтверждения правильности моего сегодняшнего пути, до сих пор честно радуюсь несомненной батюшкиной сорадости оттуда. Братья и сестры, слушайте и слушайтесь своих духовников!

– Писательство на Руси и было, и есть – хлеб если не горький, то с горчинкой; об этом говорит, например, псевдоним основателя пролетарской литературы, теоретика социалистического реализма. Какие черты советской литературы, на ваш взгляд, сделались сегодня «родимыми пятнами прошлого» для литературы современной?

– Горький, Скиталец, Приблудный, Голодный, Бедный… Соцреализм начинался с дерзких босяков, а завершился последней старушкой в последней избушке. Но, понятно, главное-то в нём – не на концах, а в период величия – с 30-х по 60-е годы, эпоху создания и расцвета его собственного, такого вот чисто социалистического эпоса. В прозе и поэзии, в литературной критике, в исторических романах и научной фантастике главный герой – человек труда, подвижник сверхидеи «общего дела», её безоглядный созидатель и защитник. Подчеркну: труда для всех, созидатель для всех, защитник всех.

В тот советский период нашей русской литературой, как никогда и нигде, человек был исследован, рассмотрен, осмыслен и прочувствован именно как человек общественный, как не изымаемая, не выделяемая и, тем более, не отделяемая сущностная часть социума. Что есть правда о человеке, большая правда. Но, конечно же, не вся.

Как философы, рассуждая о личности, после Платона уже не могут не учитывать самобытие социума, организованного в государство, так и русские писатели после великого соцреализма не смогут сочинять героя вне «общего дела». Однако, что уже сделано, то сделано, и сегодня на нас возлагается следующая задача: найти, обосновать новую точку обозрения, дать новое понимание и суждение о человеке – мы должны продолжить правду о человеке, и, прежде всего, правду о человеке веры. Человеке – стяжателе Святага Духа. Как мученичеством, так и праведностью.

– Странно в Отечестве получается: стоит выйти из времён идеологической несвободы, как тут же наступают времена несвободы какой-то иной – например, социально-финансовой. Что же лучше для человека, душевное или осязаемое? Когда ему лучше, при каком присмотре властей, и за чем именно?

– Не-свобода в чём? Не-свобода от чего? Писать можем – так в чём наша неволя? Вообще-то на земле нет, не может быть справедливости. Иначе бы и Голгофа не понадобилась.

Мы, христиане, счастливые люди, нам же Апостол Иоанн передал заверение Спасителя: «истинно, истинно говорю вам: всякий, делающий грех, есть раб греха. Но раб не пребывает в доме вечно; сын пребывает вечно. Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете» *(8, 34-36)*. И давайте вспомним: «золотой век» русской литературы воссиял при самой жёсткой цензуре Николая Павловича, да и «стальной век» гремел на весь мир под присмотром-прищуром Иосифа Виссарионовича. Про «серебряный» промолчим – разговор особый, долгий, много намешано полуправд, путаницы из-за авторских мистификаций и поздних наслоений, даже в творчестве одного и того же писателя в разные годы необходимо скрупулёзно отделять плевелы декадентства от зёрен классицизма.

Ладно, сегодняшних-то литераторов угнетает что? Обрушение тиражей? Невнимание власти? Обыдление народа? Так что в этом нового? Кольца истории: тиражи Жуковского не выдерживали сравнения с тиражами Барона Брамбеуса, и что было кружковое признание Пушкина против всенародной популярности Булгарина? И чернь – придворная или дворовая – всегда была, есть и будет чернью. А графоманскую свободу «самовыражения в инете» сами же высмеиваем.

– Новые времена пытались запустить в русском человеке пружину предприимчивости. Либерал-демократические деятели страстно желали превращения всей страны в предпринимательскую, по американскому образцу. Чтобы каждый был – «ИП», индивидуал с лицензией. Не вышло. Может, не в крови у нас предпринимательство? Или – отбиты, как и сейчас, человеческие руки что-либо делать, и оттого, вот уж который год, «стоим»?

– Не в крови? Точнее будет: не в духе. Однако ответственность, гражданская и мужская, отцовская реализуется, становится видимой, в том числе, и через частную собственность. Умеешь ли ты содержать в порядке свой дом, своё предприятие, свою страну? Хозяин ли ты Земли Русской? Я тут за Сильверста и Иосифа Волоцкого – все соработники, но в одной, конкретной, именной ответственности. Другая сторона – целеполагание: для чего человеку богатеть? Для детей, внуков, не для себя же. Но дети – это вера народа в своё будущее, то есть, опять же, в хозяина Русской земли, а сегодня мы вымираем. И согласен с вами, что наш народ не попался на индивидуальщину обособленного обогащения, своекорыстия, так как он, наш народ, не алчен и несуетлив, и точно проинтуичил, что ИП нужны были только на период разрушения социалистического хозяйствования, а теперь их же, мелких собственников-производителей, планово разоряют, давят. Да, вы правы: именно руки отбивают. Рабочие, мастеровые руки.

– В книге «Удержание русскости» – на мой взгляд, замечательном сборнике статей и философского, и социокультурного, и общегуманитарного плана, – вы формулируете целое множество основополагающих определений. Честь и достоинство, мужество и свобода – без чего русский человек не может назвать себя русским, и в чём состоит эта самая русскость, какой идеал она выражает?

– «Русь Святая храни веру Православную». Русскость – православность прежде всего. Православность вселенская, вечная, неизменная от апостолов до Второго пришествия Господа нашего Иисуса Христа. Это Промысел о России: стать нам Святой Русью и народной богоносностью противиться мировой апостасии. Наше русское мессианство не в имперскости как таковой, не в социальной, национальной или иной какой справедливости, силой навязываемой странам и континентам, мы уже это прошли, и, надеюсь, усвоили.

Мы избраны и очищены такими великими страданиями, чтобы обязательно по Пушкинской речи Достоевского: «…в своей русской душе, всечеловечной и воссоединяющей, вместить в неё с братскою любовию всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племён по Христову евангельскому закону!». Там же Фёдор Михайлович, кстати, и о свободе: «Победишь себя, усмиришь себя – и станешь свободен как никогда и не воображал себе, и начнёшь великое дело, и других свободными сделаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймёшь наконец народ свой и святую правду его». Это же «Стяжи дух мирен, и тогда тысяча душ спасётся около тебя». Истинная русскость в боголюбии, что значит – в крестоношении.

– История нашего народа порой отливает самыми загадочными оттенками: дохристианское – в дымке, христианское – в высоколобых спорах, обесхристианивание – в шуме и ярости, нынешнее время – в идеологической прострации. Каков на сегодня итог несчётных лет, помимо навязшего в зубах «выживания»? И какова его цена?

– Вновь вы о смысле жизни, да ещё смысле жизни народа. Тут не цена, не итог в вопросе – а загадка будущего: зачем нам жить? А для пополнения Царствия Божия. Временами пополняется оно сплошь праведниками да угодниками, а есть периоды, когда почти одними мучениками и исповедниками. Отчего эти периоды сменяются? Понятно, от нас, от нашего накала духовного. Или охлаждения. Это наши дела, наши мысли и чувства – средней температурой по палате – и творят нашу историю. Не всё свалишь на подлость врагов, сами во многом виноваты. «Все за всех виноваты».

– Литературное пространство России сегодня узурпировано прозападными организациями, преследующими ни от кого не скрываемые цели: перекодирование русского менталитета на западноевропейский лад, в пределе – североамериканский. Отчего так пассивно ведут себя люди, и имеющие отношение к литературе, и отношения к ней не имеющие? Почему словесность вот уже 30 лет как отдана на откуп «людям заезжим»?

– Не «на откуп». В плен. В рабство. Но пассивность и не сопротивление народа «заезжим» как раз и оправдываются этими самыми 30-ю годами: в 80-е и 90-е мы за пару дней собирали многотысячные протестные митинги по любому поводу, а сколько тогда самопровозглашённых лидеров вызывалось повести нацию к процветанию, благополучию, порядку и сытости, теперь и не вспомнить. Но потом митинги усохли в собрания, а народные генералы куда-то пропали, как правило, обретя на старость пару мерседесов или домик на побережье. Да, неподкупных убивали. И Белый дом горел под залпы танковых орудий. А остальные кипеть устали. Отсюда урок: невозможно собираться, организовываться только «против», для того, чтобы из толпы стать народом, из населения нацией, нужно сверхмотивированное «за».

За что мы вместе? Тут возможны разные по весу и ценности ответы, как очень даже патриотические – державные и национальные, так и прагматичные – политические, корпоративные. Классовые и родоплеменные. Многие из них перепробованы и, слава Богу, отброшены. Теперь яснится главный, точнее – единственный ответ: мы можем быть вместе для Бога. В Боге.

Да, больно, горько, но промыслительно, что таким опытом, таким кровавым и слёзным путём нами уже пройдены соблазны и политикой, и социальностью,

и национализмом. Так что – отставить уныние: будущее за Православием, и с каждым отказом от ложного и неглавного близится заветный час, когда истинные лидеры – новый гражданин Минин вкупе с новым князем Пожарским – соберут русский народ во имя Христа и вокруг Христа. Другим нас не мобилизовать. Проверено.

– Словесники современной поры лишь пытаются – времени прошло, по историческим меркам, ничтожно мало – нащупать формулу и национального бытия, и национальной мечты. В чём они сегодня сходятся, а в чём резко противостоят друг другу?

– Да-да-да: либералы и консерваторы. Западники и славянофилы, диссиденты и деревенщики. Глобалисты и почвенники. Это извечное, стойкое разделение, а, значит, нужное. Мировоззренческое противостояние необходимое для развития общественной мысли, продвижения национального самосознания. При этом надо понимать, что среди писателей нет противников узко, строго политических, но у нас всех есть противники нравственные. Так что писателей, настоящих писателей, при любом их головном разброде, всегда объединяет сердце – нравственность. И народность. Поэт и нравственен-то народностью.

Вот Аполлон Майков: «На нас писателях лежит великий долг – увековечить то, что мы чувствовали со всеми. Нам следует уяснить и осязательно нарисовать тот идеал России, который ощутителен всякому». Ещё один Аполлон, Григорьев: «Поэты суть голоса масс, народностей, местностей, глашатаи великих истин и великих тайн жизни, носители слов, которые служат ключами к уразумению эпох – организмов во времени, и народов – организмов в пространстве».

Отсюда и ответ на ваш вопрос: не можем найти, нащупать формулу – не потому, что времени не хватает, а потому что не с народом, не в народе. Не из народа. Не чувствуем его, не сочувствуем ему.

– Какова сегодня роль Церкви в маркировании национального гуманитарного пространства. Помимо Патриаршей литературной премии, выбор которой определяет лучших словесников, реализуются и проекты для детей (конкурс «Лето Господне» имени Ивана Шмелёва), и для зрелых издательств («Просвещение через книгу»). Если бы от вас зависело, какое направление развить усилиями Церкви дополнительно, что бы вы предложили?

– За *чем* человек входит в церковь и в Церковь? Конечно же, за любовью, в жажде любви. А с чем входит? С налипшими страхами, греховными болячками. Церковь принимает, утешает, научает, целит. Терпеливо, настойчиво. И так вот терпеливо делает вошедших свободными и смелыми. То есть, для жизни в любви, бесстрашной, свободной от греха любви, нужно изменение сознания, которое достижимо в результате волевых усилий, волевых трудов по продвижению человека к Богу и встречной Благодати.

Невозможно стать христианином без церковной практики. И писатель, если он либерал-коммунист, не отстояв, не отмолившись на сотне литургий, вдруг да берётся за тему новомучеников, это же просто мимикрия, изгиб телесный под открывшийся социальный заказ. Ещё и материально обеспеченный…

Я это к чему? Премии – мощнейшие рычаги, направляющие токи литературного процесса, через премии выверяются и утверждаются идейные этико-эстетические лидеры, чьё творчество и мастерство становятся примером к подражанию. Премиями популяризируются и темы, отвечающие вызовам времени. Сегодня, с исчезновением единого государственно-идеологического руля, литературу пытаются направлять очень разные силы.

Были-пропали и возникли-есть откровенно русофобские отметины – «Русский Букер», «Нацбест», «Нос», «Большая книга» – хм-м, «Codex Gigas»; для молодых «Эврика», «Дебют». Есть патриотические – Гончаровская, Александро-Невская, «Прохорово поле», «Имперская культура», «Белые журавли».

Уже более десяти лет как на это поле пришла, успешно укрепляет и расширяет своё присутствие Русская Православная Церковь. Патриаршая премия Кирилла и Мефодия общепризнана самой значимой наградой за вклад в русскую литературу. Вы уже назвали «Лето Господне» для детей и юношества, «Просвещение через книгу», и вот запускаются новые, очень нужные премии – имени Достоевского, Аксакова, святых Петра и Февронии.

Честно говоря, хотелось бы поскорее и поболе: остро необходимо определение и продвижение лидеров конкретно в поэзии, в драматургии, критике. Это искренне радующее количественное распространение влияния Церкви на новую литературу, однако есть востребованность и во внутреннем развитии. Извините, но заметен избыток внимания в сторону историко-биографических текстов. Они нужны, нужны как великолепная воспитательная, педагогическая составляющая процесса, но надо понимать, что этот «житийный» жанр не есть столбовой, стержневой для собственно художественной литературы. Литературный процесс – процесс национального самосознания и самочувствования, это жизнь ума и чувств народа в их непосредственном, непресекаемом приросте.

Но невозможно жить в музее. И потому полнотой охвата как вечных, так и злободневных тем, глубиной их проработки литература призвана отвечать культурным и нравственным потребностям современного ей общества. Читатель, хоть в историческом романе, хоть в фантастическом, всё равно будет искать свидетельств и толкований своему сегодняшнему бытию, как внешнему, так и внутреннему. Главный герой литератур всех времён – герой своевременный.

– Соответствует ли сейчас современная русская литература статусу наследницы литературы классической? Чего не хватает ей сегодня для того, чтобы сделаться центром и общественного внимания, и академического изучения?

– Наследницей-то является… Только оглянешься на пантеон наших гениев, и сразу же понимаешь своё место. Примерял я как-то вериги Иринарха Затворника. Некомфортно, а святой ведь тридцать лет вкупе к веригам ещё двадцать сажен цепи на шею наматывал, железом опоясывался и на ноги железные путы крепил, да железной же палкой из себя бесов выбивал. Так, наверное, и стал «центром общественного внимания» – с одной стороны Сапега, с другой Скопин-Шуйский и Минин с Пожарским искали его молитв, просили благословения.

Комфортность сводит художника в творческое малокровие. Комфортность – не обязательно богатство, сытость и уют, это лень душевная, излишнее самосбережение. Так сегодня нашу литературу захватил, накрыл шинельками легион Акакиев Акакиевичей. По должности на разных конкурсах и семинарах читаю молодых авторов – порядка пятисот подборок в год. И почти везде, и почти у всех главный герой даже не маленький, а малюсенький человечек. Эта ковровая акакиевщина вгоняет то в тоску, то в ярость: в тоску, когда автор неталантлив, в ярость – когда одарён несомненно. Да как же можно? – кому нужен твой целлулоидный протагонист, который и любит, и ненавидит в четверть силы, работает в меру необходимости, ликует осторожно и рыдает понемножку?

Творчество – жертвоприношение без торговли. Вот вспомним Каина. В чернильнице должна быть кровь автора, иначе незачем садиться писать, незачем тратить своё время и отнимать чужое, отнимать время чужой жизни. Понятно, что окаянный мир оскудел любовью. Любви катастрофически мало, и жалко юных поэтов и прозаиков, принимающих эту серую мглу уже как должное. Опять же, виденье сей скудости открывается лишь религиозному сознанию. Иоанн в Первом послании: «Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь».

Посему – опять – отставить уныние: будущее за Православием, и в русской литературе оно ещё многократно просветится синергией волевого движения человека к Богу и встречной Благодати. Просто неправославной русской литературы больше не будет. *Большой* не будет.

(Из цикла бесед Портала «Правчтение» с лауреатами и номинантами Патриаршей литературной премии 2019 года)

Вадим ТЕРЁХИН

Медельин – город поэзии и вечной весны

О фестивале Поэзии в Колумбии

С 29 июня по 7 июля 2019 года в Колумбии состоялся один из самых крупнейших в мире литературных форумов – Медельинский Международный фестиваль поэзии. Он основан в 1991 году известным писателем и общественным деятелем Фернандо Рендоном. За это время в празднике приняли участие 1700 самых знаменитых поэтов из 170 стран. В 2006 году фестиваль награждён альтернативной Нобелевской Премией – «За правильный образ жизни».

Каждый год выбирается определенная тема фестиваля. Известные поэты и чтецы всего мира выступают с трибуны фестиваля в поддержку мира и привлекают внимание к проблемам страны. Всего во время фестиваля проходит около 150 разнообразных мероприятий, посвященных помимо поэзии важным злободневным темам. Особенностью этого традиционного фестиваля является чтение стихов и поэм на улицах и площадях, в парках и скверах, в рамках фестиваля под открытым небом проходит распродажа книг с автографами авторов.

В этом году представителями от России посчастливилось быть автору этих строк и Герою России, космонавту Александру Лазуткину.

Лететь в Колумбию долго и сложно, как минимум, с двумя пересадками. Прямых рейсов нет. Я останавливался в Мадриде, а в Мехико пришлось провести целые сутки, что дало возможность погулять по городу, осмотреть достопримечательности и даже сфотографироваться с настоящими индейцами – представителями ацтеков и майя! Они активно окормляют площадь Конституции (Zocalo) – самую большую в Латинской Америке, и могут с помощью благовоний и таинственных трав почистить ваш духовный мир, сопровождая сей процесс народными индейскими песнями и плясками.

В общем, добрался я до Медельина за какие-то трое суток. Есть короткий, но и несравнимо более дорогой путь.

Медельин – город вечной весны не в метафорическом, а в прямом смысле. Времена года здесь меняются лишь условно, а природа признаёт только формы рождения, цветения и благоухания. Естественно всё это создаёт романтическое настроение и побуждает к поэтическому творчеству. Я сам вскоре убедился, что колумбийцы могут слушать стихи часами.

Главным человеком фестиваля, отцом-основателем, вдохновителем является поэт Фернандо Рендон. Он относится к тому замечательному типу людей, которые служат своему делу преданно и бескорыстно, к тем подвижникам, берущим на себя тяжелое бремя служения великим целям охотно и добровольно, искренне верующим, что поэзия есть основание миропорядка. У него есть дружная команда мечты, состоящая из членов семьи, где на первых ролях супруга, братья, сыновья и внуки, а также молодых, заводных и неутомимых поэтов.

В этом году честь открытия фестиваля выпало нашему соотечественнику, Герою России, космонавту Александру Лазуткину. Он первый космонавт, ступивший на колумбийскую землю, его выступление о космосе и литературе вызывали неподдельный, огромный интерес. Затем поэты разных стран выходили на сцену и почти 5 часов читали свои произведения. Публика, как ни странно, не убывала с течением времени, а неизбывно, как речной поток, заполняла огромную площадь. Люди сидели на стульях, тротуарах, асфальте и неподдельно, горячо, шумно, со свистом и гиканьем приветствовали каждого автора. Преобладали, конечно, испаноговорящие поэты. Они слетелись сюда из всех уголков земли. Тем ответственней было наше выступление.

Я уже как- то упоминал, что стихи в рифму пишем только мы. Все остальные страны видят мир не в объёмном, что может дать только рифма, а в плоском измерении. С такой точки зрения любой текст, а если он ещё и приправлен игрой на губной гармошке, народным танцем, необычным актёрским исполнением или компьютерными технологиями, можно считать высокой поэзией.

Медельинский фестиваль один из самых длительных.

Почти семь дней поэты читают стихи в театрах, библиотеках, на улицах. Обычно группы по 4-5 человек расходятся по разным площадкам. В библиотеках можно не только посидеть за компьютерным столом, но и поваляться с книгой на удобных матах или забраться по лестнице в нишу, специально вырубленную в стене и там найти уединение. А в одной, в которой я выступал, дети с удовольствием купались в фонтане. Вот ответ на вопрос, как нам модернизировать библиотеки!

Первый и последний день фестиваля заканчивались тем, что в России называется «банкет», но проходит он не совсем в соответствии с нашим пониманием. Главную роль на этом празднике жизни играют танцы и алкоголь! Именно в таком порядке, где первое намного затмевает второе. Закуска на столах отсутствует напрочь, но в избытке проявляется зажигательный, безудержный латиноамериканский темперамент. Воодушевление всеобщее, как сказано в одном известном фильме: «Танцуют все!».

Колумбийцы очень жизнелюбивый и гостеприимный народ, но это не снимает с гостей обязанности быть осмотрительными и осторожными. С наступлением темноты, а смеркается там сразу после шести вечера, прогулки не рекомендованы. Родина Пабло Эскобара предполагает грабеж и воровство как норму жизни. Ничего исключительного в этом местные жители не видят. Не выставляй своё богатство напоказ, прячь деньги подальше, и все будет нормально. Общество делиться на шесть страт (каст), и перейти из низшей в высшую без насилия невозможно. Но гуманность все же преобладает, как нам рассказывала переводчица: в храмах прихожан просят в Рождество много не убивать. Храмы там огромные, католические, и верующие честно пытаются следовать этому завету. Просто не всегда получается. Жить-то как-то надо. Колумбийские трущобы, которые можно увидеть с фуникулёра, производят впечатление и чуть ли не являются частью туристического маршрута. Они-то и являются отделом кадров всех преступных группировок Колумбии.

При всём вышеизложенном социальная сфера у них развивается намного активнее, чем в России, если можно сказать, что у нас она есть. Мы видели великолепные центры поддержки населения, способные удовлетворить в комплексе многие нужды. Очень ценится здоровье и красота. По горным улицам люди бегают трусцой. А дешевая медицина, особенно недорогая пластическая хирургия, позволяют родителям подарить дочери на день рождения красивую попу и большую грудь. Ни в одной стране мира я не видел такого большого количества соблазнительных женских выпуклостей и округлостей, но, как оказалось, природа здесь не причём.

В силу удаленности от нас нога русского поэта редко ступала на колумбийскую землю, и этот факт предопределил к нам особый интерес. В своих литературных поездках за границей я всегда встречаюсь с огромным, невозделанный культурным полем. Как будто и не существует этих всяких росзарубежцентров, культурных программ, многочисленных ведомств и министерств, несущих из России лучшее и светлое народам мира. Поэт вне России меньше, чем никто! Да и в России уже тоже. Он чувствует себя брошенным и осиротелым. На предложение о долгосрочном литературном сотрудничестве с латиноамериканским странами, а такая беседа с Фернандо Рендоном имела место быть, он может ответить только своим талантом, высокими помыслами и моральной поддержкой Союза писателей. Где те организации, куда можно направить свои стопы за помощью и пониманием? Где те государственные мужи, радеющие за благо, процветание и авторитет свой страны? Может быть, среди них есть читатели «Дня литературы»?

Не дают ответа!!!